

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ**  
**(диссидентское)**  
**изложенное на основании ст.27 ч.(5) Закона о**  
**Конституционном суде и ст.67 Кодекса**  
**конституционной юрисдикции**

В отличие от мнения большинства, я считаю, что ст.320 Уголовного кодекса не соответствует конституционным положениям и нормам Европейской конвенции о правах человека, а также юриспруденции ЕСПЧ в области гарантирования принципа верховенства права и принципа *non bis in idem*. Далее попытаюсь аргументировать свою точку зрения.

Согласно **принципу верховенства права**, любое вмешательство властей в осуществление индивидуального права, защищаемого Конвенцией, следует подвергать строгому контролю. Норма является **ясной, доступной и предсказуемой** только тогда, когда формулировка имеет достаточную степень четкости, чтобы каждый мог, получив при необходимости юридическую консультацию, скорректировать и предвидеть с разумной для данных обстоятельств степень определенности те последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие (*Сильвер и другие против Соединенного королевства, 25 марта 1983 года*). Приняв решение, государство должно применять его четко и последовательно, чтобы избежать, насколько это возможно, правовой незащищенности и неопределенности для субъектов права, к которым относятся предусмотренные данным решением меры (*Пэдуару против Румынии, 1 декабря 2005 года*). В уголовной сфере верховенство права порождает такие принципы, как **принцип законности установленных правонарушений и наказаний и принцип недопустимости расширительного применения уголовного закона** в ущерб лица, особенно, по аналогии. Согласно этим принципам, в любом случае правонарушение должно быть **ясно** определено законом. Лицо вправе знать с особой определенностью, какие деяния и упущения могут повлечь уголовную ответственность (*Кокинакис против Греции, 25 мая 1993 года*). Когда какое-то действие считается правонарушением, судья может уточнить состав правонарушения, но **не может его изменить** в ущерб обвиняемого, а порядок определения состава правонарушения должен быть **предсказуемым** для любого лица, получившего необходимую юридическую помощь (*Европейская комиссия, дело X против Соединенного королевства, 7 мая 1982 года*).

Состоящая из двух частей статья 320 Уголовного кодекса, подвергаясь конституционному контролю, предусматривает как обязательное условие для применения уголовного наказания к физическому лицу за умышленное неисполнение или уклонение от исполнения решения судебной инстанции сперва наложение административного наказания. Идентичные положения содержит ст. 318 Кодекса о правонарушениях.

По моему мнению, оспариваемые положения не соответствуют принципам предсказуемости и ясности закона по нижеизложенным мотивам.

Во-первых, законодатель не указал **категории судебных актов**, неисполнение которых может повлечь уголовную ответственность. Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс о правонарушениях предусматривают следующие категории актов: приговор, заключение, постановление и определение, обозначающие общее понятие «судебное решение». Подвергая норму текстуальному толкованию, следует, что неисполнение любого из этих актов может повлечь уголовную ответственность.

Во-вторых, из формулировки текста ст.320 Уголовного кодекса невозможно определить, кто является **субъектом преступления**. Эта неясность может привести к расширительному толкованию нормы, и в результате, любой из участников судебного процесса (включая свидетель, заявитель или пострадавший) может быть привлечен к уголовной ответственности за неисполнение судебного решения. Отсюда следует, что в случае текстуального толкования положений ст.320 Уголовного кодекса не только **должник**, но и любое лицо, к которому относится судебное решение, может быть привлечено к уголовной ответственности.

В-третьих, невозможно определить **с какого момента** после применения административного наказания правонарушение считается **оконченным и может последовать уголовное наказание**.

Я не согласен с выводами Конституционного суда, изложенных в п.88 Постановления, и считаю необходимым отметить, что существующее судебное производство не предусматривает порядок назначения нового срока для исполнения обязательства. Не предусмотрено также, кто вправе назначить этот срок – судебная инстанция или судебный исполнитель. В случае установления нового срока судебным исполнителем, станет невозможным оперировать понятием «неисполнение **судебного решения**».

В рамках принципа *non bis in idem* запрещается преследование или привлечение лица к ответственности за другое правонарушение, если в его основе лежат, по сути, те же факты, исходя из конкретных обстоятельств, относящихся к тому же лицу и, безусловно, взаимосвязанных как по временному критерию, так и по пространственному критерию (*Сергей Золотухин против России, 10 февраля 2009 года*). Различие между правонарушениями и преступлениями, существующее во внутреннем законодательстве, не может иметь как результат исключение целой категории деяний из сферы применения ст.6 Конвенции (*Решение по делу Озтюрк против Германии, 21 февраля 1984 года*).

По моему мнению, противоречие между ст.320 Уголовного кодекса и принципом *non bis in idem* заключается в следующем.

Во-первых, существует **идентичность деяний**, которые касаются неисполнения одного и того же судебного решения. В данном случае обстоятельства схожи с теми, которые были установлены ЕСПЧ по делу *Сергей Золотухин против России*. В этом случае имеются идентичные элементы между вторым деянием (преступление) и предшествующим деянием (правонарушение). Следовательно, в обоих случаях объект права составляет неисполнение одного и того же судебного решения.

Во-вторых, субъектом обвинительного решения в рамках уголовного процесса является то же самое лицо, привлеченное к административной ответственности окончательным судебным постановлением, которое является обязательным для исполнения.

Игорь ДОЛЯ,  
судья Конституционного суда

11 июня 2013 года